

Д. М. Вечерко

**ТУРКМЕНСКИЕ АНТРОПОНИМЫ
В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТАХ**

Белорусский государственный университет, г. Минск;

vederkod@yandex.by;

науч. рук. – И. Э. Ратникова, д-р. филол. наук, проф.

Объект исследования в публикации – поэтические антропонимы как важный пласт экзотической лексики в русскоязычных переводах юмористических рассказов туркменских писателей (сборник «Точка зрения» (1981)). Цель публикации – выявить связь поэтонимов с реальной антропонимической системой туркменского языка, характером персонажей и идейно-художественными задачами автора. В результате работы выявлена закономерность организации поэтического антропонимикона туркменских рассказов (в качестве оценочно-характеризующих регулярно выступают узуальные имена с актуальной внутренней формой, поскольку этимологическая прозрачность повышает их семантический и экспрессивный потенциал). Показана специфика передачи туркменских антропонимов в русских художественных переводах (прозрачная внутренняя форма не подвергается семантическому калькированию, поскольку имена являются узуальными). Определены способы экспликации связи имен с характером персонажа в дискурсах писателя и исследователя.

Ключевые слова: туркменские антропонимы; экзотическая лексика; внутренняя форма; литературный персонаж; экспрессивно-стилистический эффект.

1. Общие замечания. В архаичных культурах имя с прозрачной внутренней формой выражало глубокий смысл, влиявший, по мифологическим представлениям, на характер и судьбу его носителя, было призвано отражать желаемые качества ребенка. Эти культурно-антропологические черты свойственны и современной антропонимии некоторых народов (например, в странах Средней и Юго-Восточной Азии). Представления о связи имени с его носителем, имеющие древнейшие корни, особым образом преломляются в поэтическом тексте: имена персонажей, производные от нарицательных лексем, часто являются «говорящими», т. е. своей внутренней формой помогают раскрыть художественный образ и, конечно, имеют более высокий семантический и эмоционально-экспрессивный потенциал по сравнению с именами, этимологически непрозрачными.

В переводных русскоязычных текстах национальные особенности туркменской культуры сохранились в экзотизмах – единицах, по определению Л. Г. Самотик, «имеющих локальную компоненту в значении слова, обозначающую принадлежность явления к нерусской действительности» [2, с. 44]. Особое место в системе экзотических лексем занимает ономастическая подсистема. Личные имена литературных героев в свернутой, емкой форме способны нести обширную информацию о культуре, религии, традициях и быте конкретного региона. Рассматривая туркменские антропонимы в русских переводах, мы опирались на общие принципы анализа имен персонажей, сформулированные классиком ономастики В. А. Никоновым: поэтонимы надо исследовать в их соотношении с 1) реальной антропонимической системой периода, изображаемого в произведении; 2) реальной антропонимической системой, современной автору; 3) со стилем произведения; 4) с литературной традицией употребления имен персонажей (см.: [1]).

2. Смысловые и генетические особенности туркменских личных антропонимов. Исконные туркменские мужские и женские имена имеют этимологические значения, связанные с природными и климатическими явлениями; моральными ценностями; особенностями внешности или характера носителя; наименованиями родственников: *Ягмыр* ('дождь'), *Гарягды* ('снег выпал'), *Довлет* ('богатство, достояние'), *Огулболды* ('сын родился'), *Огулгельды* ('сын пришел') [4]. В производных именах-композициях типа *Огулдурды* ('сын пришел'), *Джумадурды* ('пятница пришла') выделяется сегмент *-durdy-* со значением 'прийти'. В именах многих представителей сильного пола, родившихся в пятницу (турк. *джума* или *анна*), нашел свое отражение этот день отдыха и молитвы мусульманской недели. Поэтому так широко распространены имена *Аннадурды*, *Джумадурды* ('пятница пришла'), *Аннаберды* ('пятница дала'). Иногда сегмент «пятница» может встречаться в несколько необычном сочетании: *Аннанепес* ('пятничный вздох'), *Аннагылыч* ('пятничная шашка'), *Аннагурт* ('пятница-волк'), *Аннагулы* или *Джумагулы* ('раб пятницы') и т. д. Генетически туркменские личные имена могут иметь как тюркское, так и арабское, иранское или русское происхождение (реже иное). Многие из них демонстрируют языковой синкретизм – состоят из двух разноязычных основ: мужское имя *Саламгулы* включает арабский компонент *салам* ('мир') и тюркский *гул* ('раб'), женское имя *Джумагюль* – арабский компонент *джума* 'пятница' и иранский *гюль* 'роза' [4].

3. Мужские поэтические антропони́мы. Узуальные туркменские мужские антропони́мы регулярно выступают в качестве «говорящих». Главного героя одноименного рассказа Аты Кауштуова зовут *Елли Одэ*: «По-видимому, он появился на свет в один из тех не любимых туркменами дней, когда ветер со свистом сотрясал кибитки, угрожая сорвать их и опрокинуть, и потому его назвали **Елли**, что значит “Ветренный”» [3]. По сюжету рассказа Елли – человек несерьезный, бестолковый, ветренный, что и отражено в имени (в переводе с туркменского *yel* означает ‘ветер’). Говорящий характер могут иметь и узуальные фамилии: так, в рассказе Ташли Курбанова фигурирует герой-неудачник *Ата Думанлы* (турк. *duman* ‘туман’). Этимология фамильного имени героя отражает его характер и проблемы.

Часто туркменские мужские имена включают лексический компонент – *ага*. Например, в некоторых рассказах встречаются имена *Мурадали-ага*, *Муса-ага*, *Джепбар-ага*, *Анналы-ага*, *Кандым-ага*, *Вели-ага* и др. Компонент *-ага* (от тюрк. *Aqa* ‘старший брат’) в некоторых странах Востока веками употреблялся как статусный маркер, показатель знатного происхождения или как форма обращения к старшему по рангу, так что в конечном итоге утвердился в качестве составной части имени.

Антропонимия рассказов отражает религиозную обусловленность туркменской ономастики. Некоторые мужские антропони́мы могут включать мусульманские имена арабского происхождения в сочетании с туркменскими морфемами: *Али* (علي ‘возвышенный’), *Мамед* ← *Магомед* (محمد ‘восхваляемый’), *Мурад* (مراد ‘желаемый’). В «Женитьбе Елли Одэ» упоминается отец *Акмамед* (турк. ‘белый Мамед’), героя рассказа Нурберды Помма зовут *Мурадали*. Имя *Мурадали* содержит ироническую оценку героя: его почтенный носитель, председатель колхоза, обнаруживает неподобающее статусу суеверие, будучи слишком поглощен поисками скрытого смысла своего сна. В рассказе Агахана Дурдыева «Кузнец-святоша» самовлюбленный кузнец *Баллы* чересчур обольщается «словесным медом» комплиментов его мастерству. Имя *Баллы* производно от туркменского *bal* ‘мед’, ‘медовый’.

4. Женские поэтические антропони́мы. В подсистеме женских туркменских имен выделяется парадигма простых и композитных единиц с корнем **-gül-** (-гюль- /-гуль-) ‘цветок’: *Гюллер* (‘цветы’), *Гюльдже* (‘цветочек’), *Дессегуль* (‘букет цветов’), *Гюльбабек* (‘ребенок-цветок’), *Язгюль* (‘весенний цветок’), *Акгюль* (‘белый цветок’) и др. Героиня рассказа

Аллаберды Аннабердыева «Хорошее настроение» *Гюльджан* прошла путь от продавщицы магазина райпо до заведующей домом культуры. Внутренняя форма имени *Гюльджан* ‘цветок души’ (от *gül* ‘цветок’ и *jan* ‘душа’) отражает одаренную и творческую натуру героини.

В рассказе «Женитьба Елли Одэ» будущую тещу главного героя зовут *Тяджгуль* (турк. *täji* ‘корона’ и *gül* ‘цветок’). Автор описывает героиню как увядающий цветок: «*Хотя и было ей всего-то сорок пять лет, уже увяла от забот и выглядела старше своего мужа*» [3]. Внутренняя форма имени может явно актуализироваться в тексте произведения. Невесту героя зовут *Бахар* (*bahar*), что переводится с туркменского как ‘весна’ и эксплицируется в словах матери: – *Ах, Бахар!* – с восторгом и умилением сказала *Тяджгуль*, покачивая головой. – *Ты и в самом деле Бахар. Расцвела, как яблоня...* [3]. В рассказе «Кузнец-святоша» упоминаются три женских имени, включающих сему «красивая»: *Акджамал* (‘белая красавица’), *Бибиджамал* (‘матушка-красавица’) и *Гюзель* (‘красавица’). К выбору имени *Акджамал* автор рассказа подходит с иронией: «*Второй такой грязнухи не сыскать не только у нас в селе, а, пожалуй, на много километров вокруг*» [3].

5. Выводы. 1. Антропонимия рассказов полно отражает особенности узуального туркменского именника (актуальная внутренняя форма как фактор имянаречения, этимологическая связь с моральными ценностями и качествами человека; религиозная обусловленность; исконное, тюркское, или арабское происхождение). 2. Узуальные туркменские имена регулярно выступают в качестве «говорящих», т. е. своей внутренней формой помогают раскрыть художественный образ. По сравнению с этимологически непрозрачными именами они имеют более высокий семантический и эмоционально-экспрессивный потенциал и снижают потребность писателя в антропонимическом конструировании. 3. В переводных текстах туркменские экзотические антропонимы выполняют две основные функции: а) отражают национальную специфику изображаемого культурного пространства; б) служат для дополнения образов, выявления их главных черт характера, а также для создания иронии или комического эффекта.

Библиографические ссылки

1. Никонов В. А. Имя и общество. М. : Наука, 1974.

2. *Самотик Л. Г.* Экзотизмы как единицы измерения восприятия русскими инонациональной среды // Вестник Читинского Государственного университета. Забайкальский государственный университет. Чита, 2014. Вып. 5 (62). С. 44–49.
3. Точка зрения (Юмористические рассказы писателей Туркменистана) (сборник). URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=232358> (дата обращения: 03.05.2022).
4. Туркменские имена / История Туркменистана и туркмен. URL: turkmenhistory.narod.ru (дата обращения: 30.04.2022).